

СЛОВО

въ день священнаго мѣропомазанія и вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича *).

Шедше, научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы. (Мѡ. IX, 13).

Эти слова Господь нашъ Иисусъ Христосъ сказалъ фарисеямъ, но урокъ, какой содержится въ нихъ, касается всѣхъ и полезенъ на всѣ времена. Изучить этотъ урокъ и руководствоваться имъ въ жизни значитъ не только узнать, чѣмъ мы больше можемъ благоугождать Богу въ служеніи нашемъ ближнимъ, но вмѣстѣ узнать и то, чѣмъ больше пользы можемъ приносить мы общему и частному благу нашего православнаго отечества.

Шедше, научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы. Чтобы уразумѣть смыслъ этихъ словъ, необходимо

---

*) Произнесено въ кафедральн. соборѣ 15 мая 1885 г.

припомнить случай, по которому Господь сказалъ ихъ. Случай былъ такой. Когда въ домъ нѣкоего мытаря, въ слѣдствіи славнаго и всехвальнаго Апостола и Евангелиста Маттея, Господь Иисусъ Христосъ къ одной трапезѣ съ Собою допустилъ мытарей и другихъ, которые въ народѣ слыли грѣшниками или людьми неодобрительнаго поведенія: поступокъ этотъ сильно блазнилъ фарисеевъ. Не обладая самою истинною любовію къ ближнимъ, не видя проявленій такой любви и въ окружающей ихъ средѣ, какъ воспитанной подъ ихъ же влияніемъ на внѣшней буквѣ закона Моисеева и преданіяхъ старцевъ, фарисей, естественно, не знали и истинныхъ свойствъ любви. Не знали они: ни присущаго ей неодолимаго стремленія къ снисхожденію и милосердію, ни могущественной силы ея — милостію и снисхожденіемъ привлекать къ себѣ сердца людей и уловлять ихъ вниманіе и сочувствіе къ священному голосу ея, ни того, наконецъ, что истинная любовь, по самому существу своему, не знаетъ дѣленія людей на друзей и враговъ, на порочныхъ и добрыхъ, на своихъ и чужихъ, а старается всячески состоять со всеми въ союзъ мира и доброжелательствъ. Съ другой стороны, руководясь въ своихъ сужденіяхъ и отношеніяхъ къ ближнимъ ложною праведностію своею, а въ данное время и національною ненавистію къ Риму, подъ игомъ котораго находилась тогда Іудея, фарисеи смотрѣли съ презрѣніемъ на нарушителей обрядоваго закона Моисеева и съ ненавистію на мытарей, или сборщиковъ податей въ пользу Рима. Они чуждались общенія съ такими людьми не только сами, но презрительно, съ нескрываемою ненавистію, относились и ко всемъ тѣмъ, кто удостоивалъ ихъ такого общенія. Что Онъ? говорили они о Христѣ. Другъ мытарей и грѣшниковъ, т.-е. нарушитель закона и недоброжелатель отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь, когда въ домъ Маттея увидѣли они Господа за однимъ столомъ съ мытарями и грѣшниками, тоже самое чувство, — чувство ненависти и презрѣнія, — возбудилось въ нихъ и къ Нему, — возбудилось до того, что, не смѣя лично укорять Господа, они не стерпѣли, однако, не выразить этого чувства къ Нему въ укоризненномъ вопросѣ къ ученикамъ Его: *зачѣмъ учитель вашъ ѣсть и*

— едой онъ отъ нечистыхъ и нечистыхъ до одного амалдо

плетъ съ мытарями и грѣшниками (Мѣ. IX, 11)? Вотъ на этотъ-то вопросъ Господь и отвѣтствовалъ имъ извѣстными намъ словами, — отвѣтствовалъ какъ бы такъ: почему блазнить васъ трапеза моя съ этими людьми? Развѣ я дѣлаю это не по закону Божию? Подите къ пророку Осии и научитесь отъ него, что значать слова, сказанныя имъ отъ лица Божія: *милости хочу, а не жертвы* (VI, 6). Когда поймете пророка, то поймете и то, что презрѣніемъ и ненавистью къ ближнимъ не только нельзя служить Богу, но и что милостивое расположеніе сердца къ нимъ, снисхожденіе къ душевнымъ недостаткамъ ихъ, житейское общеніе съ ними и при этомъ душеполезная бесѣда съ цѣлю обращенія ихъ на путь истинный, предъ очами Божиими есть служеніе, несравненно высшее самаго строгаго исполненія обрядовыхъ установленій, — выше всѣхъ жервъ и другихъ вещественныхъ приношеній: *Милости хочу, а не жертвы*.

Такимъ образомъ ясно, что Господь подъ милостію разумѣлъ милость собственно сердца нашего, его снисхожденіе къ душевнымъ недостаткамъ и немощи ближняго, доброжелательное болѣзнованіе о душѣ его, соединенное съ искреннимъ желаніемъ оказать ему духовную помощь. Такъ какъ милость эта живетъ въ духѣ и сердцѣ человѣка, то потому она и называется милосердіемъ. А такъ какъ она имѣетъ въ своей цѣли миловать по преимуществу безсмертную душу человѣка, чтобы, милуя, спасать ее оказаніемъ ей духовной помощи, то, въ отличіе отъ милостыни вещественной, и называется она милостію сердца или милостынею духовною.

Какъ высоко значеніе такой милости, это понятно само собою. Ибо насколько душа наша выше тѣла, на столько и такая милость выше всякой вещественной милостыни. И опять, на сколько служеніе душею нашею Богу выше служенія вѣшняго, на столько милость или милостыня наша душѣ ближняго благоудѣе Богу.

Милости хочу, а не жертвы. Помните ли наше время это Божественное ученіе? Сознаетъ-ли благотворную потребность его? Руководствуется ли имъ? Что наше время не знаетъ фарисейской строгости, запрещавшей садиться за однимъ столомъ съ грѣшниками и мытарями, это не подле-

жить сомнѣнію. Но, увы, оно, къ прискорбію, мало, очень мало пользуется благопріятными случаями, какіе представляются въ братскихъ общеніяхъ съ ближними, чтобы словомъ любви и искренняго участія вразумлять заблуждающаго изъ нихъ, исправлять порочнаго, спасать погибающаго. Не бѣдное дѣлами вещественной милостыни, наше время почти забыло милостыню духовную и преимущественный долгъ нашъ—дѣлами милости служить болѣе нуждамъ души, чѣмъ нуждамъ тѣла и внѣшнему благосостоянію ближнихъ. Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ, великій свѣтильникъ земли Русской, святитель Филаретъ, находилъ, что въ семъ отношеніи въ отечествѣ нашемъ допускается явная несообразность и замѣчается непонятная странность. „Если судить здраво, писалъ святитель въ 40-хъ годахъ, и взвѣшивать предметы и дѣла на вѣсахъ правды: не страннымъ ли покажется то явленіе, что чаще и болѣе оказывается нами вниманія къ лишеніямъ, бѣдствіямъ и опасностямъ тѣлеснымъ и внѣшнему благосостоянію нашихъ ближнихъ, нежели къ духовнымъ ихъ лишеніямъ, къ духовнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ. Видятъ человѣка, утопающаго въ водѣ; знакомые и не знакомые спѣшатъ на помощь, вопіютъ о помощи. Видятъ человѣка, утопающаго въ грѣхѣхъ и беззаконіи, въ злосторыстіи, невоздержаніи и сладострастіи: стоятъ и смотрять, лучшіе съ сожалѣніемъ, худшіе съ улыбною, а иные, можетъ быть, даже помышляютъ, нельзя ли воспользоваться тѣмъ, что утопающій оставляетъ на берегу. Или—когда горитъ домъ: толпы народа бѣгутъ сражаться съ огнемъ за бревна и доски часто неизвѣстнаго хозяина. Но когда душа ближняго горитъ огнемъ злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаянія, также ли охотно находятъ люди, которые поспѣшили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели онъ обниметъ всѣ силы души и распространится до сліянія съ огнемъ геенскимъ“ (*).

Въ наше время, къ прежнимъ духовнымъ недугамъ

(*) Слово II-е на царскіе дни, изд. 1848 года.

прибавились недуги и язвы новыя, возрасли и усилились до ужающихъ размѣровъ.

Предъ нашими глазами прошли въ отечествѣ нашемъ ученія о безбожїи и развратительнѣйшія матеріалистическія теорїи о происхожденїи міра и человѣка; прошли ученія объ отверженїи Христа, какъ Спасителя міра, и Божественнаго промысленїя о мірѣ,—ученія объ отверженїи человѣческой свободы и человѣческаго грѣха, какъ зла и преступленїя; открыто отрицалась и вѣчная жизнь наша за гробомъ. На нашихъ глазахъ, во имя свободы чувства, отрицалась и неприкосновенная святѣя брачныхъ союзовъ, рекомендовалась жизнь по теченїю, жизнь по однимъ животнымъ инстинктамъ и похотямъ сердца, или жизнь табуная. Долетали до уха нашего отголоски возмутительнѣйшихъ ученій и объ анархїи и непотребности якобы Помазанниковъ Божиихъ для государствъ и народовъ. Все это, очевидно, были стрѣлы, которыя прямо направлялись на душу человѣческую и смертельно извили неутвердившіяся въ истинѣ и добрѣ души юныя. Сколько гибло и погибло жертвъ отъ этихъ лжеученій, сколько было убито ими въ отечествѣ нашемъ духовныхъ силъ и расхищено духовныхъ сокровищъ, объ этомъ тяжело и вспоминать, а еще тяжелѣе говорить. А между тѣмъ какъ мы относились, какъ относимся даже и теперь къ этимъ ученїямъ и несчастнымъ жертвамъ ихъ? Ненавидѣли и ненавидимъ тѣ ученїя? Старались и стараемся изъ всѣхъ силъ разсѣять ихъ адскїй мракъ и обличить сатанинскую ложь? Старались и стараемся, кому представляются къ тому случаи, словомъ свѣта и любви просвѣтить и уврачевать зараженныхъ заблужденїями нашихъ братїй? Скорбѣли и скорбимъ, какъ бы о себѣ и какъ бы о своемъ горѣ, о томъ величайшемъ несчастїи, что въ современныхъ лжеученїяхъ, какъ въ огнѣ, горитъ и какъ въ водѣ тонетъ самое высшее и самое драгоцѣннѣйшее во всемъ видимомъ нами мірѣ сознанїе творческой благодати и премудрости? Мы разумѣемъ душу человѣческую, которую Отецъ небесный почтилъ своимъ образомъ и подобїемъ, создалъ для правды и истины, освятилъ кровїю Сына своего и предназначилъ къ вѣчному блаженству на небесахъ. Совѣсть наша едва ли позво-

литъ намъ отвѣчать на эти вопросы утвердительно. Судный голосъ ея скорѣе долженъ призывать насъ къ покаянію. Факты, неопровержимые факты громко говорятъ о всеобщемъ почти равнодушіи нашемъ къ духовному благу ближняго. Неправильно понимаемая свобода совѣсти и въ слѣдствіе того ходячая среди насъ фраза о некасательствѣ до чужихъ мыслей и чужой жизни, увы, тирански убиваютъ въ насъ любовь къ этому благу. Съ другой стороны тѣ же факты удостовѣряютъ насъ о продолжающемся и доселѣ среди многихъ и многихъ людей науки и такъ называемой интеллигенціи религіозномъ индифферентизмѣ. Обезличивая и обезцѣнивая духовно-религіозную истину, зло это явственно отрицаетъ и обезмысливаетъ всякую помощь ближнему въ интересахъ этой истины. Гибельное само по себѣ, какъ отреченіе отъ всякихъ исканій истины и любви къ ней, зло это въ особенности опасно потому, что, витая въ высшихъ слояхъ общества, оно развращающе вліяетъ и на низшую среду его, какъ примѣръ и авторитетъ.

Какъ объяснить такое печальное явленіе въ нашемъ православномъ отечествѣ? Назовемъ его знаменіемъ утрачиваемой нами преданности къ завѣтамъ Христа и померкающаго въ нашемъ самосознаніи высокаго достоинства души человѣческой? Но этого мало. Для полного объясненія такого явленія, мы должны прибавить еще, что явленіе это есть вмѣстѣ явное знаменіе померкающихъ въ нашемъ самосознаніи и главныхъ основъ блага государственнаго, общественнаго и семейнаго.

Никто, думаемъ, изъ здравомыслящихъ не будетъ оспаривать того, что главныя начала, на которыхъ зиждется и покоится благо общее и частное, это — начала не матеріальныя, а начала духовно-нравственныя. Таковы — вѣра христіанская и жизнь христіанская. Исторія народовъ громко засвидѣтельствовала и не перестаетъ свидѣтельствовать непреложность этихъ началъ, какъ міродержавный законъ и какъ неизмѣнный міровой фактъ. Она свидѣтельствуетъ, что государства, общества и семейства, по мѣрѣ только проникновенія этими духовно-нравственными началами, процвѣтали и процвѣтаютъ, наслаждались и наслаждаются внутреннимъ

миромъ и спокойствіемъ. Исторія равнымъ образомъ свидѣ-
тельствуетъ и о томъ, что по мѣрѣ того же, какъ государ-
ства, общества и семейства уклоняются отъ этихъ началъ,
они ослабѣваютъ, подвергаются волненіямъ и всякаго рода
беспорядкамъ. Поразительно вѣрную иллюстрацію этого
представляютъ намъ и бывшія въ отечествѣ нашемъ недавнія
печальныя событія, какія были вызваны въ немъ свободнымъ
ходомъ и ростомъ богоборныхъ ученій и развратной жизни.
Если это такъ (а это именно такъ): какъ же теперь смот-
рѣть на духовную милость или благотворительность, направ-
ляемую къ уврачеванію духовно недужныхъ ближнихъ на-
шихъ? Какъ смотрѣть и на наше равнодушіе къ ихъ не-
счастному положенію? Первая, очевидно, составляетъ вели-
кую силу государственную и есть поистинѣ самое высокое
служеніе высшему благу его. Стремясь къ духовному объ-
единенію и укрѣпленію частныхъ силъ государства посред-
ствомъ истины, вѣчно единой и животворной, она естест-
венно этимъ путемъ стремится и къ увеличенію силъ само-
го государства. вмѣсто членовъ недужныхъ, страдавшихъ
губительными душевными болѣзнями, возвращая ему членовъ
духовно здравыхъ, она увеличиваетъ тѣмъ число вѣрныхъ
слугъ его и вмѣстѣ содѣйствуетъ *тихому и безмятежно-*
му житію его (1 Тим. 2, 2). Тѣже блага распространяетъ
она и на общества и семейства, изъ которыхъ слагается го-
сударство. Последнее, (равнодушіе) напротивъ, явно содѣй-
ствуетъ только умноженію членовъ душевно больныхъ, — чле-
новъ такихъ, которые, губя себя, вовлекаютъ въ погибель
и другихъ и поистинѣ, какъ показали печальныя опыты,
составляютъ тяжелое бремя для государства, язву и позоръ
для обществъ и семействъ.

Въ виду всего сказаннаго нами, что же теперь остае-
ся дѣлать намъ, братія о Господѣ? Оставаться при преж-
нихъ холодныхъ отношеніяхъ къ духовному благу ближнихъ,
очевидно, нельзя. Это значило бы смѣяться надъ истинною
прямо въ глаза ей. Что же сотворимъ? Прежде всего сотво-
римъ самое главное: одумаемся, встрепенемся, покаемся и
исправимъ образъ своихъ мыслей и жизни по духу Христо-
ву. Затѣмъ, по примѣру собственнаго исправленія, будемъ

стараться общими силами и всеми средствами, какими обла- дают любящее сердце и Божественная вѣра христіанская, истинная наука и здравый смысл, о исправленіи и духовно недужныхъ братій нашихъ. Этимъ мы болѣе, чѣмъ всякою вещественною милостынею, исполнимъ заповѣдь Христо- ву о милосердіи къ ближнему и дадимъ надлежащее мѣсто въ нашемъ самосознаніи высокому достоинству человѣческой души. Этимъ мы послужимъ высшему благу государственно- му, общественному и семейному. Этимъ, наконецъ, болѣе всего утѣшимъ и возвеселимъ и Виночника настоящаго торже- ства, Государя нашего, Императора Александра Александровича. Ибо кто не знаетъ, что, въ день священнаго миропо- мазанія своего, отдавъ всенародно *сердце свое въ руки Божіи*, Онъ видимо и неуклонно идетъ не только Самъ по путямъ Господнимъ, но изъ всѣхъ силъ старается вести и народъ свой по этимъ же путямъ? *Милости хошу, а не жертвы*. Аминь.

Протоіерей *Василій Розалиевъ*.

II.

О мѣрахъ къ охраненію благочинія и тишины при церковномъ богослуженіи.

Молимъ вы, братіе, разумляйте безчинныя (1 Солун. V, 14). *Вся благообразно и по чину да бываютъ* (1 Кор. XIV, 40).

Въ православныхъ русскихъ храмахъ очень нерѣдко бывають случаи нарушенія тишины и благочинія во время богослуженія, особенно въ городахъ. Разговоры между нѣкоторыми изъ стоящихъ въ храмѣ составляютъ обыкновенное явленіе въ городскихъ церквахъ и допускаются не только